

Жун Тянь кивнул, соглашаясь:

— Если уж на то пошло, я лично написал тайное письмо, как только Цзы Янь проберётся в Цзаобэй, генералы тайком выведут войска.

— Нет, государю следует лично это сделать. — И Ле Чжунлю с серьёзным видом добавил: — Государю не следует пренебрежительно относиться к такому делу, у нас мало войск, а эта десятитысячная армия для нас крайне важна, потому у нас нет права даже на малейшую ошибку. Без отборного войска нам во всяком случае сложно будет контролировать ситуацию в Дунфань, а если не возьмём её под контроль, то не получится в кратчайшие сроки создать военно-промышленное предприятие, к тому же вербовать рядовых солдат тоже большое дело.

Фэн Мин и остальные сильно изумились, никак не ожидая, что Ле Чжунлю продумает настолько далеко, как оказывается, включая даже военно-промышленное предприятие и вербовку рядовых солдат.

Ле Чжунлю вновь проговорил:

— Государь пусть только подумает: Дунфань пострадало от вспышки оспы, и рядовые солдаты либо больны, либо мертвы, военная мощь сократилась, а если Ваше Величество поднимет войска, чтобы объединить Поднебесную, то наверняка потребуется достаточно могущественная армия. Необходимо серьёзно отнестись к восстановлению мужественной армии, кроме набора новых солдат, нужно обучить и старых бойцов. Государь сейчас приведёт в Дунфань десятитысячное войско отборных солдат, а через три-шесть месяцев может возродиться трёхтысячное войско с хорошо обученными солдатами.

Одни только слова вызвали у многих уважение и восхищение, и, переглянувшись, все закивали.

Однако вдруг услышали, как Ле Чжунлю подводит итог:

— Поэтому в данный момент нужно быть осмотрительным и осторожным. Я сейчас очень переживаю: если новость о том, что десятитысячное войско отправилось в Дунфань через другие государства, постепенно просочится, тогда многочисленные войска других стран тотчас же проглотят наше, словно цзяоцзы[1]. Потому-то прошу государя во что бы то ни стало лично отвести войско в Дунфань, все дела при случае надо решать самим, а не доверять кому-то.

Изменившись в лице, Жун Тянь проговорил:

— Господин министр совершенно прав, этот император был крайне невнимателен. Сейчас после совещания этот император поедет в Цзаобэй и непременно, возглавив войско, отправится в Дунфань. Цзы Янь, взяв триста человек, будет держаться рядом с этим императором и, слушая Наши приказы, вместе с Нами проберётся в Цзаобэй.

— Подчинённый повинуетя приказу, — отозвался Цзы Янь.

— Хорошо! Сегодня после совещания все, кроме Цянь Линя и войск, что охраняют Юэчжун, подготовятся, а завтра утром отправимся в путь, — непренуждённо приказал Ле Чжунлю, выпрямив спину и поднявшись с места.

Испытывая крайнее воодушевление, все единогласно согласились.

Но Ле Чжунлю вновь проговорил:

— Я могу отправиться с опозданием: дождусь визита вдовствующей императрицы Силэй, а потом приготовлю экипаж и вернусь в столицу Дунфань, где встречу с государем.

Ле-эр, хлопнув по голове, смущённо сказал со смехом:

— Если бы министр не напомнил, я почти забыл, что почтенная мать-императрица должна приехать.

— Потому министр есть министр, чтобы обо всём думать.

Скользнув взглядом, Цю Юэ так кстати посмотрела на молчаливую и сидящую в стороне Вэй Цюнян, звонко спрашивая:

— Госпожа Ле вместе с господином министром тоже вернётся в Дунфань?

Вэй Цюнян, заметив, что служанка перешла к ней, сразу же обернулась и взглянула на Ле Чжунлю.

Разве осмелился бы этот мужчина распоряжаться своей женой? Потому, поспешно сдерживая непринуждённый энтузиазм, он наклонился, с улыбкой говоря:

— Где жёнушка захочет, там и останется.

Вэй Цюнян, совершенно не купившись на наглый трюк мужа, всё так же холодно пробурчала:

— Незачем при мне притворяться духом[2], ведь ты уже догадался, что я не покину Юэчжун.

Ле Чжунлю напустил на себя заискивающую улыбку:

— Жёнушка хочет остаться в Юэчжун, ничего дурного в этом нет. Только я в Дунфань, конечно

же, буду каждый день думать о тебе.

— Да кому нужны твои думы? — косо взглянула женщина на Ле Чжунлю, однако повернула голову и грубо обратилась к Цянь Линю: — Тебе, в конце концов, позволено хорошенько охранять мой Юэчжун; если что-то случится с ним, незачем ждать, когда неприятель вторгнется сюда, так как я первым делом всажу тебе меч в спину. — Её тон звучал крайне серьёзно, и в нём совершенно не слышалось шутливых ноток.

Получив подобное предупреждение, Цянь Линь остолбенел, не зная, то ли плакать, то ли смеяться, более того, мужчина не знал даже, что ответить.

Вернув себе прежний облик, женщина пристально уставилась на Ле Чжунлю:

— Считаешь себя умным, и тот, кто выбрал тебя, тоже считает, что ты умён. Пф, вот только я знаю, что у тебя плохие намерения и ты до сих пор кидаешь жадные взгляды на драгоценности семьи Вэй.

Ле Чжунлю, заметив, что жена остановила нравоучения, наоборот, ещё больше расплылся в улыбке и, неожиданно склонившись в поклоне, умоляюще проговорил:

— Всё зависит от великого милосердия моей жёнушки.

Все слушали беседу супругов, которые чем больше говорили, тем сильнее ссорились, и не могли разобрать ни слова, сама же Вэй Цюнян, слегка опустив голову, сказала, вздохнув:

— Не проявлю милосердия, даже если будешь при смерти. Кому было позволено охранять Юэчжун? Мои предки излили всю кровь своего сердца, добиваясь заслуг, а славному имени ни в коем случае нельзя кануть в вечность.

Неизвестно почему Ле Чжунлю, едва услышав эти слова, заликовал, бросился к Цянь Линю и, схватив генерала за запястье, проговорил:

— Поздравляю, скорее подойди и поприветствуй наставника.

На вид мужчина казался глупым, однако сил подчинить кого-то себе у него вполне хватало. Цянь Линь, почувствовав боль в запястье, которое сейчас сжимал Ле Чжунлю, не осмелился противиться, более того, его невольно схватили и подвели прямо к Вэй Цюнян, согласно главному обряду Ле Чжунлю.

— Скорее назови наставником.

— А? Министр, это...

— Не нужно докучать болтовнёй, скорее назови, скорее.

Все в неверии вытаращили глаза, однако зная, насколько Ле Чжунлю потрясающе да и, будучи министром, делал множество причудливых вещей, конечно же, исходя из понятных лишь ему соображений, потому к удивлению никто не стал останавливать его.

Цянь Линь, находясь во власти воодушевлённого Ле Чжунлю, отдернул руку и озадаченно уставился на сидящую впереди загадочную Вэй Цюнян.

— Министр...

— Скорее называй!

Ле Чжунлю, как-никак, являлся министром, то есть его непосредственным начальником, а долг военнослужащего — подчиняться приказам. Ле Чжунлю очень хотел, чтобы Цянь Линь назвал женщину наставником, в итоге ему ничего другого не оставалось, как повиноваться, и, поглядев на Вэй Цюнян, генерал, пребывая в огромном замешательстве, проговорил:

— Наставник.

Вэй Цюнян не знала, что развеселило её больше — то ли варварские требования невозможного Ле Чжунлю, или же странный тон Цянь Линя, которым тот произнёс «наставник», во всяком случае женщина не смогла сдержаться и, подняв уголки губ, рассмеялась.

Она хоть и являлась вечно злым человеком, на чьём лице постоянно была ледяная маска, однако сама женщина выглядела недурно, словно весенний цветок, внезапно расцветший после зимы, удивляя всех, кто увидел его.

— Никогда не видела, чтобы своему наставнику так неохотно кланялись. — Вэй Цюнян, окинув взором Ле Чжунлю, со вздохом сказала: — И впрямь, стоило тебе стать министром, как ты тотчас же захотел сделать что-то хорошее для людей. Нельзя поручиться, что в будущем не продашь меня прилюдно, принеся мне приказ о подготовке войск императора Силэй.

На что Ле Чжунлю, разумеется, покачал головой:

— Никогда! Ни в коем случае!

Вэй Цюнян, не обращая внимания на мужа, отвела взгляд прекрасных глаз феникса, останавливаясь на лице Цянь Линя, которое сейчас выражало неловкость и растерянность, и отчуждённо добавила:

— Не беспокойся, поклонись и почитай наставника, совершенно не посрамляясь. Твой министр

смотрит не на способности Вэй Цюнян, а на военный род Вэй.

От этих слов все тотчас же вздрогнули.

Даже всегда спокойный император Силэй и то невольно удивился.

Предок Вэй Цюнян разве не тот криком вызывающий ветер и тучи[3] главнокомандующий Вэй Цянь?

— Неужели военные законы генерала Вэя дошли до наших дней?

И Жун Тянь приглушённо ответил:

— Верно.

В комнате раздался глухой грохот, и перед Вэй Цюнян генерал Цянь Линь благоговейно опустился на колени, не смея поверить в происходящее.

Кто из генералов, ведущих войска на войну, не считал живущего сто лет назад Вэй Цяня своим почитаемым божеством?

Ведь на самом деле он и являлся божеством, что исчез в этом шатком и изменчивом мире.

Сам же Цянь Линь не ожидал, что столкнётся с такой удачей, не только встретившись с потомком генерала Вэя, но и неожиданно получив возможность узнать тайны военных законов этого уважаемого полководца!

Существуют немногочисленные легенды, передававшиеся из поколения в поколение, из уст в уста про то, как генерал Вэй Цянь отдал приказ войскам разбить военные планы трёх государств, однако конкретный ход военных действий, по всей вероятности, — предположения и догадки будущих поколений.

А если бы Вэй Цянь перед смертью оставил рукописи, то для потомков это стало бы настоящей драгоценностью.

Лишь подумав об этом, Мэн Яо тотчас же размечтался.

— Цянь... Цянь Линь преклоняется перед наставником, — молодой мужчина непрерывно дрожал от волнения и с бесконечным восхищением удостоил Вэй Цюнян дотошным церемонным обхождением.

Вэй Цюнян, с гордым видом приняв его поклон, осталась спокойна и спустя долгое молчание легко проговорила:

— Встань. — Увидев, что Цянь Линь подчинился приказу, женщина внимательно посмотрела на его действия и внешность, более того, изучая его прямую переносицу, решительный и воодушевлённый взгляд, да и сам вид генерала, который говорил о нём как о сметливом и доблестном человеке, Вэй Цюнян невольно незаметно кивнула.

Умение Ле Чжунлю разбираться в людях, конечно же, не подвело.

Но после смерти Вэй Цяня в семье Вэй, которой генерал тайно оставил написанные с усердием трактаты о военном искусстве, не было достаточно одарённых потомков, чтобы постичь учения предка.

Конечно, у семьи Вэй, утратившей особое внимание императора Юнъинь, не было шанса воспользоваться этими трактатами.

Цзы Янь, заметив, как Цянь Линю повезло с судьбой, крайне обрадовался за товарища и, подойдя и похлопав по плечу, сказал со смехом:

— Ты стал последователем главнокомандующего Вэя, никто не посмеет вступать в бой с тобой, в будущем ради того, чтобы государь завоевал Поднебесную, я немедленно соглашусь служить под твоим командованием.

— Цзы Янь, ты неправ. — Выслушав, Ле Чжунлю сдержал улыбку, строго говоря: — Военное дело является обманчивым и непостоянным учением, словно письменность. Овладеть письменностью — лишь первый шаг, ведь овладев ею, всё равно не написать превосходные строки произведения. Я выбрал Цянь Линя в качестве стража Юэчжун и ради обучения искусству войны семьи Вэй не только потому, что почувствовал его врождённые способности к этому, но ещё и потому, что его характер схож с генералом Вэй Цянем, в отличие от тебя Цянь Линь может понять замысел военных стратегий генерала Вэя. Что же касается тебя...

Из-за «критики» Ле Чжунлю на лбу молодого генерала проступил пот, а сам Цзы Янь смутился, и, слушая, как с уст министра срываются слова в его адрес, молодой мужчина опустил голову и, сложив руки в знак просьбы, с почтением проговорил:

— Прошу господина министра преподать урок.

— Твой характер не такой, как у Цянь Линя. Ты не так хорош в кропотливом и обстоятельном рассмотрении вопроса, как Цянь Линь, однако если говорить о находчивости, то в нахождении пути к спасению в тяжёлой ситуации Цянь Линь не так хорош, как ты. — Ле Чжунлю, сделав паузу, посмотрел на Цзы Яня и, сменив холод на теплоту и любовь, мягко продолжил: — Потому я и велел тебе следовать за государем в рискованном деле — тайно пробраться в Цзаобэй. Чем больше бед и сложных обстоятельств, тем больше скрытой силы

раскроется в тебе, и кто знает, может, в будущем ты создашь новый путь и разработаешь собственные стратегии.

Слова мужчины были полны надежды; слушая его, Цзы Янь почувствовал, как сердце обжигает тепло признательности, отчего глаза слегка покраснели. Молодой генерал тотчас же задохнулся от слёз и, не говоря ни слова, церемонно поклонился Ле Чжунлю.

Фэн Мин, наблюдая за этим, в сердце вздохнул от тяжёлых переживаний и также сильно расчувствовался, но, заметив, что каждый собирается «сунуть нос» в грядущие великие дела, князь с пафосом, который не заставил себя долго ждать, не удержался и выпалил:

— Господин министр может и мне что-нибудь поручить?

Ле Чжунлю, обернувшись, взглянул на князя и со смехом сказал:

— Как могло случиться, чтобы у князя Мина не было поручения? Не стоит торопиться, самое главное поручение — оставить кого-то с Вами.

На эти слова Жун Тянь резко изменился в лице.

Цю Лань с изумлением сказала:

— Князь Мин не последует вместе с вдовствующей императрицей и министром обратно в Дунфань?

Сейчас Дунфань для них должно быть безопасным местом.

— Конечно нет.

— А? В таком случае куда же господин министр хочет отправить князя Мина?

Больше всего боясь, что если Ле Чжунлю что-нибудь скажет, то это не так просто будет отклонить, Жун Ху спешно опередил мужчину, советуя:

— Государь хоть и сказал, что господин министр может отослать князя Мина, однако, если говорить о выборе убежища для князя Мина, прошу министра быть крайне осторожным. На князя Мина все государства смотрят хищно, как тигры, ведь раньше мощь Силэй была велика, а государь — могущественным, потому мало кто смел поднимать руку на князя Мина, который неоднократно был на волоске от смерти. А сейчас такая ситуация, что нам приходится быть ещё осторожнее и как можно тщательнее охранять его. Дунфань кажется наиболее подходящим местом для князя.

Лёгкая атмосфера резко стала напряжённой.

В душе Ле Чжунлю уже приготовил план, потому, не считаясь со словами Жун Ху, мужчина, наоборот, подошёл к князю и, поглядев в чистые, словно горный хрусталь, зрачки, с улыбкой спросил:

— Князь Мин, у меня для Вас есть одно увлекательное и потрясающее дело, Вам страшно?

Стоило Фэн Мину услышать «увлекательное и потрясающее», как сердце охватил зуд. Жун Тянь, увидев, что глаза любимого феникса заблестели, понял — плохо дело, и незаметно дёрнул князя, после чего слегка покашлял, привлекая внимание Ле Чжунлю:

— Позвольте спросить министра, можно сначала нам рассказать, какое хотите дать задание Фэн Мину?

Ле Чжунлю хоть первый день исполнял обязанности министра Силэй, однако в словах и мыслях был непредсказуем, причём настолько, что уму непостижимо. Чем, конечно же, вызывал интерес.

Вот только если бы подобная манера появилась в Фэн Мине, то она была бы не такой любопытной. Потому, зная, что Ле Чжунлю подходит к делам весьма необычно, и услышав вопрос Жун Тяня, все затаили дыхание, ожидая, как же распорядится князем новый министр.

Все уставились на слегка улыбающиеся губы Ле Чжунлю. Сам же министр, подняв глаза, едва посмотрел наверх, словно собирался прочесть стихи, и размеренно не спеша ответил:

— Государь уже обещал, и не только государь, но даже князь Мин вошел в моё подчинение. Хе-хе, если государь не сдержит своего обещания, то как сможет управлять единым государством и народом?

Заметив, как министр ответил императору Силэй его же словами, все, изумившись, поняли, да так, что всем стало и смешно, и зло взяло.

На самом деле Ле Чжунлю только что хорошенько взволновал Жун Тяня, и не ради того, чтобы позволить последнему покорно отправиться в Цзаобэй, а чтобы император Силэй справился с предстоящей нагрузкой, с которой столкнулся бы, отправив Фэн Мина.

Жун Тянь вновь резко изменился в лице: раз уж Ле Чжунлю захотелось заранее устроить государю западню, позволив сделать такое заявление, разумеется, если бы молодой мужчина знал, что придётся куда-то отправить князя, то, конечно же, никогда не согласился бы.

— Этот император помнит, что сказал этому князю, — острый взгляд императора упал на Ле Чжунлю, а голос прозвучал неестественно. — В конце концов для чего министр решил отослать

Фэн Мина, скорее скажите нам.

— Государю не стоит волноваться, это дело не только потрясающее, но и хорошее, — блёкло ответил Ле Чжунлю. — Я хочу позволить князю Мину прогуляться по другой стране.

Пребывая в смятении, Ле-эр сказал:

— Министр хочет, чтобы князь Мин тайком пробрался в другую страну? Ни в коем случае нельзя, это ведь слишком опасно.

Цю Юэ и другие служанки тоже изо всех сил закачали головами.

— Не пробрался, а с развёрнутыми знамёнами и с барабанным боем[3] с большой шумихой. отправился с пышной свитой, чтобы состояние и положение молодого господина семьи Сяо видели повсюду. — И Ле Чжунлю беззаботно продолжил: — Роскошный корабль семьи Сяо приплывет из Юньинь по реке Оман, достигнув страны Тун, молодой господин высадится на берег и вступит на земли Боцзянь, Бэйци и достигнет Дунфань, где немного отдохнёт и вновь отправится по странам Пяожун и Яньтин. Что думает князь по этому поводу?

Мужчина говорил о цепочке стран, а Фэн Мин загибал пальцы, считая и усердно вспоминая карту всей Поднебесной, в итоге князь, открыв рот, был не в состоянии повернуть языком:

— Это... это попросту кругосветное путешествие!

Кроме Цзаобэй, Силэй, Ли, Фаньцзя, добавились ещё несколько стран.

— Верно, достаточно интересно?

— Интересно, очень интересно...

— Слишком рискованно, — отозвался Ле-эр. — Сейчас, пока государь не вернулся на родину, на доброе имя нашего до сих пор славного государства навряд ли посмотрят, чтобы оказать радушный приём князю Мину. Тем более Тун и Бэйци разве не являются нашими врагами?

На что Жун Тянь приглушённо проговорил:

— Я против.

— А? — И Ле Чжунлю спросил: — Неужели государь не сдержит своего обещания?

— В такой критический момент Фэн Мин должен быть в безопасности, этот император против.

Улыбка Ле Чжунлю исчезла с лица:

— Государь действительно хочет отказаться от обещания?

— Этот император может что угодно пообещать министру, но когда дело касается безопасности Фэн Мина, нужно со всеми присутствующими обсудить это.

— Хорошо, — кивнул Ле Чжунлю.

Всегда переживающая, что они столкнутся с бедой, Цю Лань вздохнула и, воспользовавшись удобным случаем, чтобы разрядить обстановку, ласково сказала:

— В таком случае министр согласен как следует это обсудить?

— Хорошо, обсудим. Если государь против, Ле Чжунлю тотчас же откажется от поста министра, и с этого момента мы будем незнакомцами, которые не будут вмешиваться в чужие дела. — Когда прозвучали эти слова, в комнате внезапно повисла мёртвая тишина.

Многие даже дыхание затаили, бледнея. А лицо Жун Тяня и вовсе помрачнело, как никогда раньше.

Мужчина всегда был достаточно дерзкий, более того, его лицо слегка исказилось, пугая всех до замиранья сердца, ведь неоднократно просящий пощады Ле Чжунлю сейчас впервые в жизни не страшился смерти. Будучи министром, он неожиданно осмелился угрожать выдающемуся императору Силэй.

— Вы угрожаете этому императору? — вместо того, чтобы впасть в ярость, Жун Тянь, наоборот, потихоньку успокоился, и на видном лице появилась шелковинка холодной усмешки.

Ле Чжунлю знал, что император вот-вот рассердится, однако был обрадован, но никак не испуган, более того, мужчина обнажил дерзкое выражение лица:

— Как может император, даже не способный сдержать своего обещания, объединить всю Поднебесную? Неужели Ле Чжунлю только ради такого человека вдумчиво и мучительно строил планы?

Подвергшись внезапной критике со стороны Ле Чжунлю, император остановился и какое-то время ничего не говорил.

Кто позволил Жун Тяню только что с воодушевлением и смелостью сказать, что даже князь Мин находится в подчинении Ле Чжунлю?

Фэн Мин, сидящий рядом с императором и стоящим напротив министром, почувствовал давление, резкое нависшее между двух громадин, отчего сердце подступило к горлу, и князь тотчас же проговорил, стараясь успокоить их:

— Не нужно ссориться, давайте просто поговорим! Министр, не сердитесь. Вы являетесь министром одного государства, как можете говорить, что всё бросите и уйдёте? Жун Тянь, ты — император Силэй, если дал слово, твёрдо придерживайся его и не раскаивайся потом.

Стоило князю одинаково «наказать» обе стороны[4] — Жун Тяня и Ле Чжунлю — как он вновь притворился беззаботным и приказал:

— Гнева здесь слишком много, что во рту пересохло, кто-нибудь подаст свежесваренный чай?

Близняшки, хоть и бледные от страха, но всё же крайне сообразительные, немедленно убежали в маленькую чайную комнату, где, спешно помыв две чашки и налив горячий чай, подали господам. Фэн Мин, в свою очередь, лично подал чашечку Жун Тяню.

Обстановка, готовая вот-вот разразиться огнём, слегка утихла. Князь же взял другую чашечку, и, подойдя к недовольному Ле Чжунлю, обнажил умоляющую улыбку и прошептал:

— Министр, сначала выпейте чай и успокойтесь.

Пар ароматного зелёного чая поднимался перед глазами Ле Чжунлю, который ненадолго уставился на него и, со вздохом вытянув руку, взял чашечку, но не поднёс ко рту, наоборот, поставил на край стола, после чего приглушённо проговорил:

— Князь Мин, прошу, пойдёмте со мной, хочу поговорить с Вами наедине. — И, потянув Фэн Мина, развернулся и почти уже вышел из комнаты.

— Подождите, — раздался сзади голос Жун Тяня. Силуэты двух мужчин застыли.

Жун Тянь, выпустив из рук чашечку, стремительно подошёл к любимому фениксу и мужественными руками обхватил князя, не проронив ни слова.

На что Фэн Мин сказал со вздохом:

— Я лишь переброшусь с министром парой слов.

Но император Силэй был серьёзен:

— Если есть что сказать, то обязательно это делать наедине? Я — император, ни одно дело не

обсуждается без меня.

Ле Чжунлю приглушённо сказал:

— В политике управления страной каждый выполняет свою работу, и если делает это хорошо, тогда наступает спокойствие мира. Если государь будет вмешиваться во все дела, то к чему создавать совет министров и чиновников? — Все, услышав разговор господ, почувствовали себя словно в подвешенном состоянии.

Атмосфера на глазах вновь стала напряжённой, словно тетива туго натянулась.

— Допустим, не вмешиваться, но послушать-то можно? — всегда молчаливая Вэй Цюнян внезапно поднялась с места, потянулась и с праздным видом добавила: — Это, в конце концов, резиденция помощника полководца, прошу всех прогуляться вместе со мной по ней. Ле Чжунлю, можешь смело разговаривать с князем Мином, я ручаюсь, что император Силэй в вашу беседу ни при каких условиях не вмешается и не прервёт, как и другие, конечно же. Стоит ли идти куда-то, чтобы поговорить наедине?

Находящиеся рядом люди кивнули, говоря наперебой:

— Верно, верно, мы ни в коем случае не вмешаемся.

— Слова не скажем.

— Заверяем, что не кашлянём.

— Даже не пукнем.

Цю Юэ, прекратив хмуриться, обернулась:

— Ле-эр, ну ты даёшь...

Раз уж жена заверила, Ле Чжунлю не осмелился ей отказать, попутно глядя на Жун Тяня.

Фэн Мин же незаметно изо всех сил потянул императора Силэй за рукав.

— В таком случае соглашусь со словами госпожи Ле, — неестественно отозвался Жун Тянь.

Все вздохнули с облегчением и немедля отправились с женщиной.

Ле Чжунлю находился по левую сторону от князя, а Жун Тянь, получивший поддержку от тигрицы и сейчас смотрящий на неё словно тигрёнок, по правую сторону. Так трое мужчин отправились плечом к плечу, а остальные кучкой последовали сзади.

Покинув прихожую, все повернули в садик, находящийся при резиденции, где вдалеке от декоративных садовых каменных горок[5] увидели водоём, который хоть и утратил своё совершенство, но в лучах солнца его блики всё равно радовали глаз.

Два-три зелёных деревца росли сбоку этого водоёма и, тихо шелестя листьями, невольно успокаивали.

Спокойно прогуливаясь, Ле Чжунлю наслаждался красотой сада, попутно спрашивая:

— Князь Мин считает, что объединить страны легко и править ими тоже легко?

Фэн Мин напрягся.

Хоть все были рядом, да и Жун Тянь незаметно держал за руку, передавая хорошо знакомое тепло.

Однако из-за внесённого предложения госпожи Ле, которое запрещало кому-либо открывать рот, князь, услышав вопрос Ле Чжунлю, тотчас же почувствовал себя одиноким. Словно сейчас ему одному приходилось проходить испытание или сдавать экзамен.

Ещё страшнее было ощущать, что Ле Чжунлю не в настроении, и если он, князь, ответит неправильно, кто знает, может, его станут презирать, после чего отправятся искать нового хорошего хозяина Поднебесной.

И последствия могут сильно отличаться... Чем больше Фэн Мин думал об этом, тем сильнее стучало сердце, словно кто-то бил в барабанчик. Князь почтительно ответил:

— Объединить страны не так-то легко, также как и управлять ими.

Из-за этого беспристрастного ответа князь боялся, что Ле Чжунлю с лёгкостью начнёт презирать его, потому прибавил:

— Но я считаю, что всей Поднебесной управлять будет сложнее, чем завоевывать её. Зачастую человек, завоевавший мир, не будет хорошим правителем, например династия Цинь[6]... э... я ничего не говорил.

Ле Чжунлю остановился, обернувшись, посмотрел на Фэн Мина и мягко сказал со смехом:

— Князю Мину не стоит осторожничать, скажите, что хотели сказать, мы же просто болтаем, а не преподаём Вам урок. — Сказав это, мужчина вновь тронулся с места, вольготно вышагивая по саду.

Обливаясь холодным потом, Фэн Мин подумал: «Кто сказал, что это просто болтовня? Ясно, что это проверка знаний» — и, пожав плечами, с горькой улыбкой проговорил:

— Постараюсь расслабиться.

Следует сказать, что Ле Чжунлю относился к Фэн Мину дружелюбнее, чем к Жун Тяню.

Мужчина слегка кивнул князю, словно ободряя и отдавая должное, и, находясь рядом в простом, но довольно красивом маленьком саду, Ле Чжунлю тихо произнёс:

— Девять из десяти мировых государей надеются, что смогут объединить страны, однако меньше четырёх из девяти понимают, что править целым миром сложнее, чем завоевать его. Мир — не кусок жирного мяса, которым можно набить своё брюхо, в мире много земель и народа, если объединить его и не править им, тотчас же в нём воцарится хаос, а народ постигнут невыносимые тяготы, — голос Ле Чжунлю звучал мелодично, а сам мужчина говорил легко, тактично, уклончиво поднимая и опуская тон, с теплотой своеобразно «пудря мозги».

Почтительно внимая^[7], князь невольно проронил:

— Министр прав.

Примечания:

[1] Китайские пельмени — традиционная еда Китая. Они являются одним из основных блюд, которые едят во время празднования китайского Нового года и круглогодично в северных провинциях.

[2] «Притворяться духом; прикидываться демоном», обр. в знач.: дурачить, обманывать, морочить.

[3] Обр. в знач.: обладать огромной властью, могуществом, вершить судьбы; могучий, грозный.

[4] В оригинале фраза звучит как «развернуть знамёна и ударить в барабаны», обр. в знач.: широким фронтом, широко, всеми силами;

[5] В оригинале фраза звучит как «каждому по 50 палок», обр.: одинаково наказывать обе стороны.

[6] Рокарий, также известный как каменный сад, представляет собой небольшую композицию, состоящую из эстетически расположенных камней или валунов, дополненных растениями и цветами. Каменные сады стали одним из главных элементов в китайском искусстве.

[7] 246-207 гг. до н.э.

[8]В оригинале фраза звучит как «промыть уши и почтительно внимать», обр. в знач.: внимательно слушать, отнестись с полным вниманием.

<http://bllate.org/book/13377/1190207>